

Н.В. Рыслева, А.В. Касаткин

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА РОДСТВЕННИКАМ ПОТЕРПЕВШЕГО

Рассматриваются особенности компенсации морального вреда родственникам потерпевшего. Анализируется судебная практика по данному вопросу. Обосновывается расширенное толкование перечня нравственных страданий, являющихся основанием для реализации права на компенсацию морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред; компенсация вреда; потерпевший; физические или нравственные страдания.

We look at specific features of compensating moral damage to complainant's relatives. Court practice connected with the case is analyzed. We substantiate an expanded list of moral suffering which can be interpreted as the basis for getting compensation for moral damage.

Keywords: moral damage; compensation of damage; complainant; physical or moral suffering.

Актуальность определения морального вреда сохраняется по настоящее время в связи с тем, что законодательство предоставило такое право гражданам, а судебная практика противоречива, как при определении права, так и размера компенсации. В данной статье пойдет речь о расширительном толковании перечня нравственных страданий, являющихся основанием для реализации права на компенсацию морального вреда. В частности, рассматривается вопрос компенсации морального вреда родственникам потерпевшего.

Проблемы компенсации морального вреда вызывают много споров в связи с тем, что современное российское законодательство оценку морального вреда и определение оснований для компенсации возлагает лично на судью. Судьи принимают решения, руководствуясь законом, и оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению (ст. 67 ГПК РФ), то есть, опираясь на свой опыт. Опыт у всех людей разный, он не унифицирован российским законодательством, и порой даже разъяснения вышестоящих судов не в силах его поколебать. Как видно из судебной практики, суду легче вынести решение, содержащее отказ, чем обосновать расширительное толкование нормы.

Поэтому не удивительно, что дискус-

сия о необходимости введения компенсации морального вреда ведется довольно давно. Классик русской цивилистики Г.Ф. Шершеневич выступал против имущественной оценки морального вреда. «Нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям» [7. С. 402], – утверждал он.

В период СССР «судебная практика в соответствии с господствующей доктриной отличалась стабильностью в этом вопросе, и суды неизменно отказывали в изрядка предъявлявшихся исках о возмещении морального вреда в денежной форме» [4]. Конечно, были и сторонники материальной компенсации морального вреда, в их числе Б. Лапицкий [6], И. Брауде [2], К. Варшавский [3].

Институт компенсации морального вреда был введен в российское законодательство только в начале 1990-х годов, и в настоящее время все еще находится на стадии формирования, как по объективным, так и по субъективным причинам.

При рассмотрении вопроса о компенсации морального вреда здоровью суды первой инстанции обычно придерживаются мнения, что право на такую компенсацию имеет только сам потерпевший. Однако страдания матери потерпевшего,

особенно если он еще ребенок, могут быть сильнее и значительней, чем страдания самого потерпевшего ребенка. Ближайшие родственники вынуждены страдать вместе с потерпевшим, ухаживать и заботиться о нем, испытывая определенные ограничения. Конечно, они готовы делать это добровольно, из любви, и не рассчитывают на материальную компенсацию за это. Однако закон предусматривает и закрепляет за ними такую обязанность. Справедливо будет закрепить за ними и право на материальную компенсацию их страданий. Необходимо ограничить перечень лиц, имеющих право на такую компенсацию. Целесообразно будет включить в этот список родственников, имеющих алиментные обязательства по семейному законодательству.

Рассматривая подобные требования, суды шли по пути отказа в компенсации морального вреда родственникам потерпевшего, не рассматривая заявленные требования по существу, а устанавливая лишь отсутствие правовых оснований для подобных требований. Однако ситуация меняется и Верховный суд РФ признает за родственниками потерпевшего такое право. Судебный прецедент гибче, чем унифицированное законодательство, но в России судебные акты высших судов не являются основанием для принятия судебных решений. Поэтому, несмотря на разъяснения Пленума ВС РФ, нижестоящие суды продолжают придерживаться действующих стереотипов.

Обратимся к современной судебной практике. В производстве Петроградского районного суда находилось гражданское дело по иску С. к З. о компенсации морального вреда. Решением Петроградского районного суда иск оставлен без удовлетворения. Суд установил, что в результате виновных противоправных действий З. сыну С., Федору, был причинен вред здоровью. С. представила доказательства своих нравственных страданий, как матери малолетнего ребенка и потребовала возместить ей моральный ущерб.

Примечательно, что, отказывая в удовлетворении требований в части взыскания компенсации морального вреда,

судебные инстанции, сославшись на положения статей 151, 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришли к выводу о том, что денежная компенсация морального вреда в соответствии с вышеуказанными нормами ГК РФ в данном случае может быть присуждена только лицу, которому непосредственно этот вред причинен, а не матери, которая выхаживала своего сына.

В судебных актах судьи указали, что поскольку в данном случае лицом, потерпевшим в результате оказания ненадлежащей медицинской помощи, является сам Федор, то его представитель вправе обратиться с указанными требованиями в суд лишь от его имени. Другие лица, по мнению суда, не вправе требовать присуждения им денежной компенсации морального вреда вследствие причинения вреда здоровью иному лицу.

По нашему мнению, принимая такое решение, суд неправильно толковал нормы материального права, регулирующие возникшие правоотношения. Кроме того, при разрешении спора не были приняты во внимание имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, свидетельствующие о том, что мать пострадавшего Федора в результате виновных действий ответчика по причинению физического и психического вреда ее сыну испытывает нравственные страдания.

В соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда [1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 в пункте 4 Постановления «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (с последующими дополнениями и изменениями) разъяснил, что объектом неправомерных

посягательств являются по общему правилу любые нематериальные блага (права на них) вне зависимости от того, поименованы ли они в законе и упоминается ли соответствующий способ их защиты.

Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. Перечень нравственных страданий, являющихся основанием для реализации права на компенсацию морального вреда, не является исчерпывающим (пункт 2 названного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Как усматривается из материалов данного дела, требования о взыскании компенсации морального вреда истицей были заявлены в связи с тем, что лично ей были причинены нравственные и физические страдания, выразившиеся в утрате здоровья близкого человека, не способного длительный период к нормальной жизни, и, как следствие, – невозможностью самой истицей лично продолжать активную общественную жизнь, необходимостью нести постоянную ответственность за состояние близкого человека. Таким образом, предметом спора является компенсация морального вреда за причинение физических и нравственных страданий истице – матери, а не нарушение принадлежащих ребенку прав.

Однако из содержания судебных постановлений усматривается, что предметом рассмотрения суда данные обстоятельства не являлись, выводов относительно наличия или отсутствия причинения физических и нравственных страданий заявителю в связи с приведенными ими основаниями иска судебными ин-

станциями не сделано. Судебные постановления содержат лишь выводы об отсутствии правовых оснований для удовлетворения иска, поскольку, по мнению судебных инстанций, вред здоровью причинен Федору и нарушены его права, а не истицы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с подобными выводами суда, поскольку они основаны на неправильном толковании норм материального права, регулирующих возникшие правоотношения, кроме того при разрешении спора не были приняты во внимание имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, свидетельствующие о том, что родители пострадавшего в результате действий ответчика по причинению вреда их сыну, испытывают нравственные страдания (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 50-В10-5).

Учитывая вышеизложенное, состоявшиеся судебные постановления в части отказа в удовлетворении требований С. о взыскании компенсации морального вреда нельзя признать законными, постановленными с правильным применением норм материального права и соответствующими установленным по делу обстоятельствам.

Таким образом, суды систематически приходят к ошибочному выводу о том, что за компенсацией морального вреда родственники потерпевшего вправе обратиться лишь в случае его смерти.

По нашему глубокому убеждению, в случае доказанной вины причинителя вреда и признания поступка противоправным, ближайшие родственники потерпевшего вправе обратиться за компенсацией морального вреда не только в случае его смерти, а также и в случае причинения вреда здоровью потерпевшего. Особенно те родственники, которые непосредственно оказывают помощь потерпевшему, спасая его жизнь и здоровье.

Примечательно, что в приведенном примере судебной практики в качестве судей были исключительно женщины –

матери, которые уже воспитали своих детей. Мы полагаем, что такое решение должно было противоречить морали и материнскому жизненному опыту, но материнский инстинкт был «задавлен» правосознанием, сформировавшимся в годы получения советского образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4-х ч. М., 2008.

2. Брауде И. Возмещение неимущественного вреда // Революционная законность. 1926. № 9–10. С. 19–29.

3. Варшавский К.М. Обязательства, вытекающие вследствие причинения вре-

да другому. М., 1929.

4. Дюбко Е.Г. Институт компенсации морального вреда в российском праве // Законность. 2012. № 1. С. 49–53.

5. Карагодина Н.П. Пути преодоления проблемы использования оценочных понятий при конструировании норм о компенсации морального вреда // Налоги. 2010. № 24. С. 21–26.

6. Латицкий Б. Вознаграждение за неимущественный вред // Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль, 1920. С. 107–134.

7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.